

Секция «История социально-политических учений России»

Идеи свободы в русских духовно-политических источниках XIII века

Уваров Алексей Константинович

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет
политологии, Москва, Россия

E-mail: aivengo.96@mail.ru

Если говорить о свободе и ее понимании русским человеком в XIII веке, то необходимо для начала определить, как понималась свобода на Руси, из составных частей складывалось понятие свободы?

Первая часть - свобода человека в его взаимоотношениях с Богом, свобода поступков и свобода духовного выбора. Вторая часть - свобода человека в его взаимоотношениях с государственной властью - политическая свобода. Третья грань - свобода от внешнего захватчика, национальная свобода. Четвертое понимание свободы лежит в области взаимоотношений человека и общества - свобода общественная.

Для русского человека, в сознании которого господствующее место занимала религия, первое понимание свободы была наиважнейшим. Свобода человека в его взаимоотношениях с государственной властью занимала второе место по значимости, также весьма важное, что доказывается распространенностью вечевого устройства в городах домонгольской Руси XI-XIII вв [1]. Не менее значимым было и четвертое понимание свободы, обозначенной выше, а именно свободы во взаимоотношениях человека и общества. Понимание свободы внешней, свободы от чужеземного захватчика также безусловно входило в общее понятие свободы в связи с постоянной борьбой Руси с кочевниками - половцами и печенегами на южных границах, однако до монгольского нашествия это понимание свободы не было первостепенным в сознании людей.

Несомненно, что разрушительное монгольское нашествие было важнейшим событием XIII века для Руси, событием, необычайно взволновавшим умы современников и заставившее их задуматься о причинах столь страшной беды, постигшей Русь, попытаться осмыслить ее и сформировать отношение к ней. Эта рефлексия русского общества по отношению к монгольскому нашествию прослеживается в ряде летописей, описывающих события 1237-1238 на Руси - Лаврентьевской, Ипатьевской, Новгородской и Псковской.

Такие строки о монгольском нашествии встречаются в Лаврентьевской летописи

«И бысть плачь велик в град, а не радость, грх ради наших и неправды. За умноженье безаконий наших попусти Богъ поганья не акы милуя ихъ, но нас кажа, да быхомвстягнулися от злых длъ. И сими казньми казнить нас Богъ, нахоженьем поганых; се бо есть батогъ его, да негливстягнувшеса от пути своего злаго. Сего ради в праздникынам наводит Богъ стованье, яко же пророкъ глаголаше: «Преложю праздникы ваша в плачь и псни ваша в рыданье». [2]

В рассуждениях летописца о постигшей Русь беде прослеживается идея о монгольском нашествии как о наказании русского народа за его грехи, «божьей казнью». Далее, в описании осады Владимира, летописец развивает эту мысль:

«Си вся наведе на ны Богъ грх ради наших»; яко же пророкъ глаголет: «Нсть человеку мудрости, ни е мужства, ни есть думы противу Господеви. Яко Господеви годбысть, тако и бысть. Буди имя Господне благословено в вку». [2]

То есть, раз нашествие иноплеменников - Божья кара, то можно ли сопротивляться воле Бога? Вводится мысль о некоей покорности судьбе, смирении перед Божьей волей.

Можно предположить, что такие настроения являются лишь частным мнением летописца и обусловлены во многом тем, что Северо-Восточная Русь, где и писалась Лаврентьевская летопись, наиболее пострадала от монгольского нашествия.

Обратимся теперь к новгородскому летописцу и его размышлениях о постигшей Русь беде. При том, что как раз Новгородскую землю монгольское нашествие не затронуло вовсе, новгородский летописец придерживается того же отношения к нему, что и его владимирский коллега.

«Но уже бяше божию гнву не противитися, яко речено бысть дръвле Исусу Наугину бо-гомь; егда веде я на землю обтованую, тогда рече: азъ послю на ня преже васънедоумние, и грозу, и страхъ, и трепеть. Такоже и прежесихъ отъя господь у насъ силу, а недоумние, и грозу, и страхъ, и трепеть вложи в нас за грхы наша». [3]

Здесь так же, как и в Лаврентьевской летописи, проявляется идея о монголо-татарском нашествии как о Божьей каре русского народа за его грехи, а также идея о бессмысленности сопротивления захватчикам, так как это будет сопротивлением Божьему гневу.

Псковский летописец не дает каких-либо оценок нашествию монголо-татар, просто беспристрастно описывая события

«В лто 6746. Прииде царь Батыии ратию и силою Татарскуюю на землю Русскую, и плниша города многи, и идоша и до Игнаца хреста, и ту возвратишася». [4]

Совершенно иные настроения прослеживаются в описании монгольского нашествия галицким летописцем:

«Услышавъ о семь преподобный Митрофанъ епископъначать глаголати со слезами ко всимъ: «Чада, не убоимся о прельщеньи от нечестивых и ни примемъ си во умътленьнаго сего и скороминующаго житья, но ононь не скоро минующмъ житьи попечемься, еже со ангельи житье. Аще и градъ нашъ пленше копиемъ возмутъ и смерти ныспредасть, азъ о томъ, чада, поручьникъ есмь, яко внцанетльннаа от Христа Бога примете». О сем же словесислышавше, вси начаша крпко бороться». [2]

«Козлян ж свтъ створше не вдатися Батыю, рекше, яко: «Аще князь нашъ млад есть, но положимъ животъ свой за нь, и сде славу сего свта примше, и тамъ небесныя внцаот Христа Бога примемъ». [2]

Сопротивление захватчикам и борьба с ними рассматриваются не как противоречие Божьей воле, как о том пишут владимирский и новгородский летописцы, а наоборот, как богоугодное дело, за которое оборонявшие свой город от монголо-татар горожане Владимира и Козельска получают от Господа Бога «небесные венцы».

Сложно назвать такой настрой на борьбу с монголо-татарами явлением только галицко-волынским, хоть Юго-Западная Русь пострадала от монгольского нашествия гораздо меньше, чем Северо-Восточная. Однако подобные настроения совершенно отсутствуют в той же Новгородской летописи, которую монголо-татарское нашествие не коснулось совсем. Ответ на вопрос о причинах такой разницы во взглядах следует искать в политике князей, при которых велась изучаемая нами летопись. Известно, что после монгольского нашествия князья Северо-Восточной Руси предпочли покориться захватчиками, признать их власть и платить им дань, тогда как Даниил Романович Галицкий еще некоторое время не признавал власти хана и оказывал сопротивление монголам - за что, впрочем, поплатился карательными походами монголо-татар на земли Юго-западной Руси. В это же время русские князья северо-восточных земель прежде всего стремились как-то восстановить свои владения после опустошительных монгольских походов, уберечь свою землю

от новых набегов, и в этом их политика, отражение которой мы видим в Лаврентьевской летописи, вполне понятна.

Однако народ, возмущенный татарскими поборами и не согласный с осторожной политикой своих князей, собирает вече и восстает:

«В лт . с . . о . Избави Бъ лютаго томленья бесурменскаго . люди Ростовскіае земл . вложи аерость въ срдца крстьяномъ . не терпще насилья поганыхъ . изволиша вчъ и выгнаша из городовъ . из Ростова . из Володимер . ис Суждал изъ Ярославл . кунахуть бо тиканьнии бесурмене дани . и того велику пагубу людемъ творхуть . роботще рзыи и многы . дши крстьянскія араздно ведоша . видвше же члвколю|бець Бъ послушамольнае Мтрн . избави люди своа великыае бды». [5]

«В лт . с . . чз . сде Дмитрии З Борісовичъ Ростов . тогда же б много Татаръ в Ростов . и изгнаша их вчьем, и грабиша их». [5]

Итак, по приговору вече восстают русские земли и в 1262, и в 1289 против своих поработителей, и в этом порыве мы видим сложение двух понятий свободы - свободы национальной и свободы политической. Однако нам сложно найти примеры поддержки князьями таких восстаний, более того - князь Александр Ярославич Невский, узнав про похожие беспорядки в Великом Новгороде, в 1257 году подавляет восстание, жестоко расправляется с его участниками и приводит с собой в город татарских послов:

«В лто 6765. Приде всть изъ Руси зла, яко хотять Татарове тамгы и десятины на Новгород; и смятошася люди чересъ все лто. И къ госпожину дни умре Онанья посадникъ, а на зиму убиша Михалка посадника новгородци. Аще бы кто добро другу чинилъ, то добро бы было; а копая подъ другомъ яму, сам ся в ню ввалить. Тои же зимы прихаша послы татарскыи съ Олександромъ, а Василии побже въ Пльсковъ; и почаша просити послы десятины, тамгы, и не яшася новгородьци по то, даша дары цесареву, и отпустиша с миромъ; а князь Олександръ выгна сына своего изъ Пльскова и посла в Низъ, а Александра и дружину его казни: овому носа урзаша, а иному очи выимаша, кто Василья на зло повель; всякъ бо злыи зл да погыбнеть». [3]

Возникает конфликт между властью князя, стремящегося через подчинение Орде не допустить новых походов монголо-татар на Русь, и людей, движимых идеями свободы политической и национальной. Последняя, до монгольского нашествия занимавшее не самое важное место в сознании русского народа, постепенно приобретает все большее значение и ценность, восстания будут происходить и после, свобода политическая отходит на задний план, угасает роль вече в русских городах и усиливается власть княжеская, однако только благодаря этому Русь впоследствии сбрасывает монгольское иго, восстаниям русский народ предпочел сосредоточение и сплочение вокруг княжеского престола. Народу пришлось пожертвовать свободой политической ради свободы национальной, ставшей из второстепенного наиважнейшим определением свободы для русского человека.

Источники и литература

- 1 - Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси - Л.: Издательство Ленинградского университета, 1988. с 265-268.
- 2 - Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – СПб.: Наука, 1997. – Т. 5: XIII век.
- 3 - Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М. - Л.: «Издательство Академии Наук СССР», 1950

- 4 - Псковские летописи. (Полное собрание русских летописей. Том V. Выпуск 1.) - М.: Языки славянской культуры, 2003.
- 5 - Лаврентьевская летопись. (Полное собрание русских летописей. Том I. Выпуск 1.) - М.: Языки славянской культуры, 2001.

Слова благодарности

Выражаю искреннюю благодарность моему научному руководителю, Перевезенцеву Сергею Вячеславовичу, за помощь, ценные советы и поддержку в подготовке данной работы